

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

«Допустить к защите»

Руководитель сектора истории антропологических учений
доктор философских наук Спирова Эльвира Маратовна

(подпись)

«__» _____ 20__ г.

Чугунова Инна Олеговна

**НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ**

«Ненависть как философско-антропологический феномен»

по направлению 47.06.01 Философия, этика и религиоведение
по профилю: 09.00.13 Философская антропология, философия культуры

Научный руководитель:

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор,
г.н.с. сектора истории антропологических учений ИФ РАН

Гуревич Павел Семёнович

Рецензенты _____

учёная степень, учёное звание, должность, Ф.И.О. полностью

учёная степень, учёное звание, должность, Ф.И.О. полностью

Дата защиты:

«__» _____ 20__ г.

Оценка: _____

Протокол ГЭК № ____ от _____ 20__ г.

Москва, 2018

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Ненависть как антропологическое свойство человека.....	16
Глава 2. Феноменология ненависти	19
Глава 3. Ресентимент и конструирование образа человека	26
Заключение	32
Список использованных источников	35

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Острейшей проблемой современной философской антропологии является вопрос её исторической судьбы. Он связан с крушением классической парадигмы понимания человека, деантропологизацией дискурса и, в конечном счёте, с утратой предмета и размыванием статуса дисциплины. Об этом сегодня пишут многие авторитетные авторы (Гуревич П.С., Марков Б.В., Гиренок Ф.И., Хоружий С.С., Смирнов С.А., Алейник Р.М.). Однако философско-антропологический кризис, как оказалось, уже таил в себе новый предметный вектор, проявившийся в апофатической антропологии – заметном явлении философского постмодерна. Разочарование в канонической модели человека обострило интерес к его «изнанке», теневым, патологическим сторонам – злу, ненавистничеству, насилию, распахнув тем самым неожиданные горизонты антропологической рефлексии. Негативная аранжировка темы человека, ярко прозвучав в трудах Ф. Ницше, впоследствии утвердилась как в самой философии постмодерна (Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, Ю. Кристева, А. Глюксманн и др.), так и в других влиятельных направлениях антропологической мысли – в частности, в психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг, С. Шпильрейн, Э. Фромм, К. Хорни и др.).

Продуктивность мизантропологических тем, таких как ненависть, для философской антропологии несомненна. Однако в первую очередь это обосновано не столько самой их практической злободневностью, относительной научной новизной и недостаточной изученностью. Основной потенциал данной проблематики заключён в её исключительной инфернальной глубине, с которой мы вынуждены соизмерять сам феномен человека. Объять его теневой масштаб означает расширить пространство антропологии в целом. Так, проникая в проблему безумия, мы переоткрываем природу разумности. Размышляя о жестокости, приближаемся к сущности гуманизма. И, наконец,

ставя вопрос о ненависти как одном из наиболее драматических, эксцентричных явлений душевной жизни, мы открываем новые, феноменологически неисчерпаемые горизонты субъективности. Ненависть проявляет себя ошеломляюще многолико. Это и разрывающие аффекты злобы, и слепая иррациональность абсурдных умопостроений, и драматизм отношений «Я-Другой», и парадоксальность амбивалентности любви-ненависти.

Впечатляющий экстерьер человеконенавистничества, чудовищная разнузданность и всеприсутствие делают его потенциально привлекательным объектом многих дисциплин. Однако уникальность философской антропологии состоит в интересе к сущностным, глубинным, а не формально-эмпирическим пластам явления. Именно сущностный подход, постигающий ненависть в контексте феномена человека, способен приблизить к объяснению многих проблем современности. Среди них, например, патологическая неистребимость агрессии: преодоление глобальных военных угроз не принесло человечеству мира, уступив место волнам терроризма и нескончаемости локальных конфликтов. Усилия по культивированию толерантности не дают искомым результатов. Вражда в обществе вспыхивает с поразительной лёгкостью и часто «без причин». Вместе с тем, более пристальная оптика обнаруживает, что ненависть разлита в самой повседневности – пронизывает рыночную конкуренцию, политические будни, взаимоотношения социальных слоёв, звучит в атомизации общества, культуре обыденной жизни. Все эти проблемы требуют сущностного понимания ненависти, её роли в структуре человеческого бытия.

Проникновение в глубинную феноменологию ненависти востребует и отчасти реанимирует ту классическую методологию, где человек рассматривается в его холистичности, культурно-исторической полноте, онтологической непрерывности. Поэтому, применительно к подобным многомерным феноменам, классическая мысль ещё далеко не исчерпала себя. Загадка ненависти останется непостижимой, если мы, повинувшись только лишь

вениям постмодерна, откажем образу человека в презумпции некоего сущностного ядра, задающего неизменные шаблоны человеческой негативности. Подобные многомерные темы способны стать интегрирующим материалом для нашей дисциплины, запрашивая синтез классики и новаторства, традиционных и новых течений мысли.

Таким образом, сам разворот философской антропологии к «теневым» безднам человека презентирует как ещё не освоенные сюжеты, так и дополнительные антропологические размерности, открывающие новые горизонты для познания не только конкретно взятого феномена, но и человека в целом.

Степень разработанности проблемы

История философского обращения к феномену ненависти продолжительна¹, и по данной теме накоплен обширный материал. Однако это явление чаще выступало предметом побочных суждений, нежели самостоятельного анализа. При этом философско-антропологический характер носят лишь немногие точки зрения. Всю совокупность идей о ненависти автор диссертации систематизирует в виде трёх подходов. В рамках данной критической систематизации раскрывается их продуктивность и ограничения для философско-антропологического анализа. Так, первые два подхода, обнаруживают парадигмальные крайности в понимании ненависти, что преодолевается в третьем подходе, который и рассматривается как наиболее ресурсный для диссертационного исследования.

Итак, первый подход основывается на классической парадигме человека и определяет его через примат разумности и нравственности. Ненависть здесь – неестественная для человека черта, признак утраты его подлинной природы. Эта мыслительная традиция, заложенная в античности (Платон, Аристотель,

¹ Предыстоки мы находим ещё в античном мифопоэзисе – античных драматургиях VIII-VI в. до н.э.

Сенека, Эпиктет, М. Аврелий) и продолженная в средневековой христианской философии (С. Боэций, П. Абеляр, Ф. Аквинский), достигла расцвета в эпоху модерна. В новоевропейском рационализме она выразилась через постулат главенства разума (Р. Декарт, Г. Лейбниц, Б. Спиноза). В век Просвещения – через идею цивилизационного искажения априори миролюбивой природы человека (Ж.-Ж. Руссо, Ф. Вольтер, Ш. Монтескье, К. Гельвеций). Ценность данного подхода состоит в поиске в человеке высших начал, противостоящих ненависти. Однако образ человека здесь излишне теоретичен и умозрительен: апеллируя к добродетелям, он отражает не реальное, а скорее потенциальное бытие. Мир негативных страстей в данной традиции вынужденно принижен, и, если не проигнорирован, то объявлен предметом подчинения разуму и морального регулирования.

Второй подход, в противовес данной традиции, придаёт ненавистничеству статус первичного, реального бытия человека, его подлинного естества, в действительности определяющего его мотивацию и поведение. Этот взгляд, заявивший о себе в эпоху ренессансных перемен (Н. Макиавелли), получил теоретическое осмысление в новоевропейском эмпиризме (Т. Гоббс, Д. Юм). Своё дальнейшее углубление он нашёл в идеологии консерватизма (Э. Бёрк, Ж. де Местр) и иррационализме (А. Шопенгауэр). Тема базовой враждебности и социального антагонизма легла в основу теорий конфликта как движущей силы общества (К. Маркс, Г. Спенсер, Дж. Тернер, Л. Козер, Р. Дарендорф и др.). В том же русле развивалась дарвинистская парадигма, рассматривающая борьбу и агрессивность как базовый витальный инстинкт, определяющий развитие всего живого. Идея инстинкта ненависти, агональности, противоборства рассматривалась отправной точкой процессов социализации и антропогенеза (Г. Зиммель, Й. Хейзинга, Б.Ф. Поршнев). Биологизаторский подход также стал основой идеи влечения к разрушению в классическом психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Блейлер, В. Штекель, С. Шпильрейн, П. Федерн и др.), что дало почву для

дальнейших психоаналитических взглядов на деструктивность и, в частности, ненависть (К. Абрахам, М. Кляйн, Д. Винникотт, М. Балинт, О. Кернберг, К. Хорни, А. Адлер, В. Штекель и др.).

Кроме того, дарвиновская парадигма подготовила фундамент этологии, экстраполировавшей природные закономерности агрессии на человека (К. Лоренц, И. Эйбл-Эйбесфельдт). Последующее многократное усиление интереса к человеческой агрессивности в XX в. вылилось в мощную традицию изучения агрессии и насилия, насчитывающую множество работ в области социальных и психологических дисциплин (А. Басс, Р. Бэрон, Д. Ричардсон, Дж. Бэрфут, Д. Зиллман, Л. Берковитц, А. Бандура, Т. Смит, А. Элизар, А. Назаретян, С. Ениколопов и др.). Исследовались также экспрессивные эмоции, такие как гнев и отвращение (К. Изард, Ч. Спилбергер). Однако ненависти как глубинному феномену, не являющемуся предметом экспериментального изучения, здесь практически не находилось места. Интерес же к нему стал возрождаться лишь в последние полтора-два десятилетия². Вероятно, это обусловлено исчерпанностью таких концептов как агрессия, досконально изученных в их эмпирической объективации, но так до конца и не понятых с точки зрения их причинных антропологических основ.

На наш взгляд, постижение этих основ требует обращения к сущности самого феномена человека. Поэтому здесь становится востребованным третий, философско-антропологический подход. Он извлекает человека как из редуccionной дихотомии «доброй» или «злой» природы, так и детерминизма со стороны божественного происхождения или биологических сил. Человек предстаёт здесь существом многомерным, парадоксальным, незавершённым, пребывающим в процессе становления и творящим самого себя.

Истоки подхода прежде всего связаны с И. Кантом, не отрицавшим в человеке задатков «изначального зла», но перенёсшим акцент на

² Бреслав Г. Ненависть как предмет психологического исследования // Вопросы психологии. №2, 2011. С. 138-148.

субъективность как источник воли и свободного выбора. Наиболее значительной и ёмкой концепцией в русле данного подхода является учение о ressentimente Ф. Ницше. Ненавистничество как одна из ключевых граней этого явления трактуется в контексте драмы его культурно-исторической эволюции человека, декаданса его свободной воли и потери идеала суверенной творческой личности. Идея ressentimenta получила осмысление и развитие в дальнейших исследованиях (М. Шелер, С.Л. Франк, Ж. Делез, А.Н. Мочкин, Р.Г. Апресян, А.Н. Малинкин).

Сама «мизантропологическая» традиция, которой дал импульс Ф. Ницше, была продолжена в экзистенциализме (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, А. Камю) и постмодернистской мысли (Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, А. Глюксманн, С. Жижек, Ю. Кристева и др.), где прозвучали новые антропологические идеи о природе деструктивности, ненависти, насилия. Осмысления ненависти в контексте проблемы человека также принадлежат гуманистически ориентированным направлениям философского психоанализа (Э. Фромм, Г. Олпорт, К. Роджерс). Интересными являются современные наработки психоанализа и психологии, стремящихся привнести новое в понимание ненависти (R. Sternberg, K. Sternberg, M. Gaylin, B. Willard, E. Royzman, C. McCauley, P. Rozin, E. Staub, R. Dozier, J. Fitness, G. Fletcher, Г. Бреслав, Е.П. Ильин, А.О. Большев).

Методологическим ориентиром диссертационного исследования выступает образ человека как существа многомерного, парадоксального, незавершённого. Поэтому автор опирается на взгляды школы философской антропологии (М. Шелер, Г. Плеснер, А. Гелен), антропологические идеи экзистенциализма (Н.А. Бердяев, Ж.-П. Сартр, М. Бубер и др.), современных отечественных философов (П.С. Гуревич, В.А. Подорога, Э.М. Спирова, Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов). Антропологический и культурологический материал для исследования также был почерпнут в работах культурфилософов, антропологов, историков – В. Дильтея, Дж. Фрезера, Л. Де Моза, М. Вебера, Р.

Жирара, Э. Кассирера, Я. Буркхардта, Ф. Броделя, М.М. Бахтина, Ю. Харари, М. Дэйви, А.Я. Гуревича, Л.П. Маринович, И.С. Свенцицкой и др.

Объектом исследования является ненависть как феномен бытия.

Предметом исследования служит природа и сущность феномена ненависти в контексте проблемы человека, многообразие её проявлений в человеческом бытии.

Цель исследования – ввести понятие ненависти в категориальный аппарат философской антропологии, раскрыть его значение для философского постижения человека.

Задачи исследования

- Выявить философско-антропологические смыслы феномена ненависти, её роль в структуре бытия человека;
- раскрыть амбивалентный, парадоксальный характер ненависти как антропологического феномена;
- показать многомерность феноменологических проявлений ненависти, её трансформационный характер;
- разработать философско-антропологический ракурс проблемы генезиса ненависти;
- представить опыт сущностного различения ненависти и рядоположных душевных феноменов с целью углублённого понимания её философско-антропологической специфичности;
- проанализировать феномен неистребимости ненавистничества в обществе, показать его глубину и масштаб, выявить его корни;
- отрефлексировать антропологические антитезы ненависти в русле практической философии человека.

Методология исследования прежде всего опирается на философско-антропологические принципы понимания человека, рассматривающие его в многомерности и единстве сторон (биологического, социального, экзистенциального), в незавершённости и становлении, самодетерминации и самопроектировании. При этом автор сочетает классическую методологию философского анализа человека и элементы современного антропологического дискурса. Значимыми ориентирами в работе выступают парадигмы экзистенциализма и психоанализа, используется феноменологический подход, герменевтический метод и элементы семантического анализа.

Научная новизна исследования

- Тема ненависти впервые в отечественной литературе развёрнуто включена в исследовательское поле философской антропологии. Философско-антропологическая экспертиза позволила ёмко, системно проанализировать предмет и наметить тем самым новые горизонты постижения человека в измерении его деструктивности.
- Показано, что ненависть является не рядовым душевным явлением, а одним из фундаментальных антропологических феноменов. Выявлено его соотношение с глубинными основами человека, обоснована значительная роль в человеческом бытии и становлении человека. С опорой на ницшеанскую концепцию ressentimentа выявлена масштабная деструктивная роль ненавистничества в контексте социальной культуры, общественной морали, ценностного этоса.
- Философско-антропологическое изучение ненависти позволило выявить её многоплановые антропологические смыслы и парадоксальный характер. С опорой на психоаналитическую методологию проанализированы бессознательные механизмы ненависти, раскрыты

неочевидные феноменологические грани. Проработаны гипотезы её генезиса.

Теоретические положения, выносимые на защиту

1. Наряду с любовью, ненависть является одной из фундаментальных основ феномена человека – его духа, субъектности, социальности. Исходно она выступает одной из базовых форм вовлечения человека в динамику бытия, его аксиологического и эмоционального самоосуществления. Априорно ненависть нейтральна и не является категорией зла, пока она не включена в социальный миропорядок и способы конструирования человеком самого себя, системы отношений с окружающим миром.
2. Ненавистничество имеет множественный источник генезиса. Во-первых, ему предшествует врожденная биолого-психологическая инстинктоподобная основа в форме стремления к автономизации, отстранения от «чужого», защитно-агрессивной готовности. Во-вторых, оно обретает психологические сценарии в ходе культурно-исторического процесса, развития соответствующих социальных практик, становления ценностного этоса и моральных установок. В-третьих, это результат индивидуализации: изначально ненавистничество может являться следствием чрезмерной враждебности социальной среды, но в конечном итоге это предмет свободного выбора и ответственности индивида.
3. Ненависть реализуется амбивалентно. С одной стороны, ей принадлежит конструктивная, «рациональная» роль в обособлении и защите субъекта в потенциально враждебном мире, становлении и сохранении индивидуальности и идентичности. Однако с другой стороны, этот феномен проявляет себя глубоко деструктивно. Эта ипостась ненависти является «иррациональной», рессентиментной. Её предпосылки связаны с произволом, злоупотреблением человеком данной ему свободой.

Рессентимент служит эгоизму, болезненному самолюбию, властости и другим перверсивным формам человеческого самопроявления. В пределе это особый модус бытия, негативно сублимирующий энергию человека и выступающий иллюзорной компенсацией его подлинной силы и созидательной самореализации.

4. В век модерна ненавистничество начало обретать новую глубину и инфернальность. Новоевропейская рациональность сформировала установку на захватничество, покорение, порабощение. Из защитной и мобилизующей ненависть всё больше превращается в нападающую, нацеленную на подчинение и подавление. Ценности подменяются средствами, Другой воспринимается как вещь. Однако властные притязания сталкиваются с ответной рессентиментной реакцией, что потенцирует враждебность, умножает условия для её эскалации и заострения.
5. Рессентиментная ненависть имеет сегодня тотальный, всеохватный масштаб деструктивности и пронизывает многие сферы индивидуального и социального бытия, выступая в многоликих трансформациях – от банальной вспышки злобы до глубинного ненавистнического мироощущения, от открытой вражды до изощённо-камуфлированных сценариев поведения. Рессентимент стал орудием социальной культуры, её «матрицей», основой ценностного этоса современности: именно поэтому он с лёгкостью самовоспроизводится и экстраполируется в обществе.
6. Природа ненависти латентна, нематериальна, «духовна». Нормативно вытесняемая из сферы социальности, она продолжает существование в мире искажённых фантазий и болезненного воображения. С одной стороны, это отличает её от объективированной жестокости и насилия, однако с другой – сообщает ей инфляцию, усиливает заряд, катализирующий выплеск агрессии. В наш век ненависть обретает всё

более маскированные, эфемерные черты. Равно как и феномен «мягкого», «бескровного» повсеместного насилия, ненависть становится всё более неуловимой и при этом тотальной. Вместе с тем возрастает и её злокачественность, разрушительное влияние на человека.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Проведенное исследование имеет как теоретическое значение в плане углубления философско-антропологической рефлексии человеческой негативности, так и возможность социально-практического применения. Идеи, разработанные в диссертации, приложимы к широкому спектру общественных практик, выработке подходов урегулирования отношений в социуме, проблемам воспитания личности, психологической коррекции. Материалы диссертации применимы к педагогической практике: на базе исследования выполнена статья «Соперничество в истории науки: иллюстрация к воспитанию культуры диалога и сотрудничества» (Педагогика и просвещение. 2016. № 1 (21). С. 114–129), которая может служить дидактическим материалом в педагогике и просветительской работе. Результаты проведённого исследования также могут использоваться для разработки спецкурсов по данной специальности. В рамках подготовки к государственной аттестации аспирантов был разработан проект рабочей программы дисциплины для магистратуры «Философия человеческой деструктивности», опирающийся на данные диссертационного исследования.

Апробация и внедрение результатов исследования

Основные положения исследования отражены в публикациях:

1. Чугунова И.О. Ценности нашего века через призму философской антропологии Макса Шелера // Психология и Психотехника. – 2014. – № 8. – С. 830-837. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12578. Объем 0.7 а.л.

2. Лики ненависти: философско-антропологические размышления // Психология и Психотехника. – 2015. – № 4. – С. 383-391. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.4.14652. Объем 0.7 а.л.
3. Человек ненавидящий: психоаналитическая деконструкция феномена ненависти // Психология и Психотехника. – 2015. – № 10. – С. 1072-1087. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.10.16205. Объем 1.2 а.л.
4. Соперничество в истории науки: иллюстрация к вопросу воспитания культуры диалога и сотрудничества // Педагогика и просвещение. – 2016. – № 1. – С. 114-129. DOI: 10.7256/2306-434X.2016.1.18342. Объем 1 а.л.
5. Концепт рессентимента как инструмент философско-антропологического познания // Философская мысль. - 2016. – № 2. – С. 135-170. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17914. Объем 1.2 а.л.
6. Тема духа в понимании основ человеческой природы // Философия и культура. – 2016. – № 8. – С. 1192-1201. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.8.16737. Объем 0.8 а.л.
7. К проблеме любви в ницшеанской философии // Философская мысль. — 2017. – № 1. – С. 57-66. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.18833. Объем 0.8 а.л.
8. Дискурс ненависти в философии Ф. Ницше // Философская мысль. –2017. – № 5. – С. 141-152. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.19166. Объем 0.9 а.л.
9. Опыт терминологического обоснования понятия «ненависть» и его синонимов // Философская мысль. – 2017. – № 8. – С. 102-122. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.8.20184. Объем 1.1 а.л.

Также основные положения апробированы в форме докладов на научных конференциях:

1. Доклад «Ненависть как философско-антропологическая проблема» на I научной видеоконференции «Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “болевые точки” философской антропологии» (Москва,

- Институт философии РАН — Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), 21 мая 2015 г.;
2. Доклад «Рессентимент как модус человеческого бытия» на II научной видеоконференции «Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “болевые точки” философской антропологии» (Москва, Институт философии РАН — Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), 27 сентября 2016 г.;
 3. Доклад «Феноменология ненависти» на III научной видеоконференции «Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “болевые точки” философской антропологии» (Москва, Институт философии РАН — Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), 23 мая 2017 г.;
 4. Доклад «О диалектической противоположности гуманитарных понятий» на IV научной видеоконференции «Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “болевые точки” философской антропологии» (Москва, Институт философии РАН — Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), 5 июня 2018 г.

Структура диссертационного исследования

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы, содержащего 237 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первая глава «Ненависть как антропологическое свойство человека» посвящена философскому и историко-философскому анализу феномена ненависти как фундаментального явления человеческого бытия, обсуждается проблема её генезиса, анализируется само понятие ненависти и его границы.

В *первом параграфе «Фундаментальный характер ненависти»* рассматривается проблема укоренённости вражды в основах социальности, её теснейшей взаимосвязи с природой общества и человека. Затрагиваются исторические и палеопсихологические примеры, иллюстрирующие архаичность и априорность социального антагонизма, исходную и неустранимую неприязнь человека к инаковому, чужому. С опорой на взгляды, имевшие место в философской мысли, доказывается парадоксальный характер враждебных и ненавистнических установок, содержащиеся в них стимулирующее и конституирующее начала, импульс к развитию конвенциональности и цивилизованных отношений (Гераклит, Т. Гоббс, Г. Зиммель, Б. Поршнев).

В русле философско-антропологического анализа ставится вопрос о специфически-человеческом, надбиологическом характере враждебности, несущей в человеческом мире особую функцию – изначальной демаркации между группами (племенами, культурами), а затем и между индивидами, что составляет первичный фундамент идентичности, осознания себя. Прорабатывается идея, что природа самоидентификации, самосознания исходно немыслима без оппозиции к инаковому, не-Я. «Вещество» человеческой социальности двойственно: притяжение и взаимность неотделимы от неприязни и размежевания. Интенциональность, направленность человека на объекты подразумевает и тяготение, и отторжение.

Таким образом, спектр враждебных переживаний априори оказывается включенным в способ существования человека, фундамент его реальности.

Высказывается мысль об универсальности ненависти, её типовых сюжетах в истории, культуре и искусстве, и в целом – о её всеобъемлющем характере, проявляемом в человеческом бытии.

Во *втором параграфе «Ненависть и синонимы: опыт терминологического различения»* поднимается важная проблема терминологической неоднозначности. Показано, что смешение родственных с ненавистью категорий, таких как «вражда», «отвращение», «агрессия», «гнев», «презрение» имеет место как в классике философской мысли (Р. Декарт, Б. Спиноза, Ф. Ницше и др.), так и в нынешнем гуманитарном дискурсе, а также во многих современных толковых и научных словарях. Задача демаркации понятий становится необходимой не только для более чёткой семантической дефиниции ненависти, но и для понимания её существа.

Так, её сравнение с *отвращением*, являющимся инстинктоподобным, биологически функциональным феноменом, подводит к мысли о её особой, «высшей», знаково-символической, аксиологической природе, субъективно-активном, экзистенциальном характере. Доказывается, что схожая феноменология отвращения и ненависти не может служить основанием для полагания их прямой преемственности. Дается критическая оценка попыток таких прямых аналогий, нередких в дискурсе биологической науки (напр., J.Haidt). В контексте человека, напротив, символичность, аксиологичность становится доминирующей основой, подчиняющей себе инстинктивные, унаследованные от природы ресурсы. Развиваемая логика опирается на идеи Ф. Ницше, Э. Кассирера, Ж.-П. Сартра, Ж. Бодрияра, Ю. Кристевой.

При анализе понятия *гнева* подчёркивается его поверхностно-аффективный характер и проводится компаративное толкование ненависти как более фундаментальной душевной структуры, глубинной страсти, связанной с аксиологическим, смысловым, «духовным» ядром человека, его выбором между добром и злом. Рассуждение поднимает пласты античной мысли

(Аристотель, Сенека), апеллирует к философским взглядам М. Шелера, изысканиям Э. Фромма. При обсуждении семантической близости и оттенков различий *враждебности* и ненависти, обосновывается специфически антропологический характер последней как феномена латентного, ускользающего от объективации.

В сравнении *презрения* и ненависти наиболее глубоко раскрывается парадоксальная природа последней: её теснейшей связи с любовью, с ценностным притяжением к объекту. В ней проступает перверсивная «тоска по идеалу», симптом аксиологической невосполненности, слабости Я, попытке его компенсаторной инфляции. Проводимый анализ ссылается на труды Д. Юма, Ф. Ницше, М. Шелера и другие источники. Логика рассуждения позволяет сделать вывод о ненависти как глубинном проявлении субъектности, стержневой, системообразующей основе многих родственных ей «теневых» душевных явлений.

В *третьем параграфе «Генезис ненависти как антропологического явления»* поднимается вопрос о корнях ненавистнического в человеке. Ставится вопрос об архаичных агрессивных механизмах психики, унаследованных человеком от природы. Делается вывод, что они не могут считаться главным источником ненависти: агрессивность в человеческом мире меняет очертания по сравнению с её природным прототипом. Во-первых, она утрачивает строгую целесообразность, витальный прагматизм, становится иррациональной и парадоксальной. Во-вторых, она обретает деструктивность, злокачественность, характер ненавистничества, зложелательства, жестокости, что сформулировано, в частности, с опорой на исследование Э. Фромма³. Главным выводом здесь явилось то, что ключевые предпосылки ненависти следует искать не в биологической подоснове, а в надприродной реальности – культуре и социальности человека.

³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности.

Одним из ориентиров в рамках данной логики послужила гипотеза З. Фрейда о первобытном зарождении сложных моральных чувств, по своей сути – производных от табуированных либидозных влечений. Интерпретация идей, развиваемых Фрейдом в работе «Тотем и табу», позволила распознать глубинный источник укоренившегося в человеке конфликта вождя и запретного. Ненависть в этом контексте мыслится как экспрессия неудовлетворённого табуированного желания, как агрессивное чувство моральной природы, направленное на «нарушителей табу» – обладателей запретного и одновременно притягательного. Высказано предположение, что именно так сложился архетип ненависти как переживания моральной несправедливости и тайной зависти.

Другим ориентиром к размышлению послужили осмысления древних ритуалов жертвоприношения (на основе изучения работ Л. Де Моза, Дж. Фрезера, Р. Жирара, А. Большева). Регулятивная роль этих практик состояла в перенесении грехов на жертву-заменитель с целью ритуального самоочищения и символического обуздания первичной энергии хаоса. Выводом служит понимание ненависти как интериоризированного стереотипа, повторяющего некогда исторически существовавший эксплицитный ритуал. Подобные предположения о генезисе ненависти позволяют увидеть в ней первобытную мощь, свёрнутую энергию нормативно обузданной агрессии и вместе с тем осознать её существование в пространстве духа, дающего ей свойство безграничности и возможность разрастания.

Во **второй главе «Феноменология ненависти»** раскрывается эмпирическая многоликость феномена, делается попытка дешифровать её многоплановые антропологические смыслы, постичь феномен её деструктивности.

В *первом параграфе «Антропологические смыслы ненависти»* проблематизируются такие вопросы как её противоречивое значение в жизни

человека, феномен неистребимости, парадоксальная неразрывность с любовью. Ставится проблема ненависти как страсти – глубинной основы мотивации. В этой плоскости рассматривается соотношение базовых страстей – любви и ненависти, привносится диалектическое толкование, имевшее заметное место в философской мысли (Эмпедокл, Ф. Шеллинг, В.С. Соловьёв). Внимание фокусируется на психоаналитической аранжировке данной диалектики – идее амбивалентности чувств (по З. Фрейду, С. Шпильрейн). Эта теория, постулирующая неразрывность любви и ненависти, их существование в качестве оборотной стороны друг друга, использована в параграфе как продуктивное основание для осмысления природы ненависти.

Прежде всего, единство любви и ненависти рассмотрено в контексте онтогенеза, через психоаналитическую идею первичного недифференцированного влечения к объектам. Ненависть здесь доказывает свою сонаправленность с любовью, выполняя не менее важные витальные функции, такие как выстраивание и защита границ Я, обеспечение безопасного самоутверждения в мире и в целом психологической жизнеспособности. Автор опирался на работы З. Фрейда, М. Кляйн, К. Абрахама и других аналитиков. Идея витальной роли ненависти проработана также в ходе анализа текстов Ж. Бодрияра (ненависть как предельная «иммунная» противореакция), Ж.-П. Сартра (ненависть как символическая защита от экзистенциальной пустоты и аннигиляции Я, как импульс к трансформации), Ю. Кристевой (отвращение как прото-форма ненависти структурирует субъектность, прочерчивая границы субъективного порядка и самоидентичности).

Особое внимание уделено трактовке ненависти в парадигме защитных механизмов психики, заложенной З. Фрейдом. Здесь высвечивается двойственность ненависти: её благотворность и разрушительность. С одной стороны, она отражает разрешение конфликта чувств и разрядку психодинамической напряжённости, с другой – невротическую

декомпенсацию, страдание, деструкцию. Изучение враждебности как попытки ослабления внутриличностного конфликта принадлежит, в частности, К. Хорни: согласно её идеям, любая ненависть есть феномен скрытой «войны с собой». Однако бóльшую теоретическую глубину обнаруживает идея защитной проекции, сопряжённая с концепцией «архетипа Тени» К. Юнга. Эта теория позволяет толковать ненависть как внешнее «зеркало», в котором отражается теневое, порочное содержание психики ненавистника, не признаваемое им самим. Проективный образ Другого становится концентрацией зла и порока, подобно «козлу отпущения» – «спасительной» жертве в древних ритуалах. Через идею проекции постигается обвинительная и демиургическая сущность враждебности, способность творить и демонизировать врага, отчётливо проясняются проективные механизмы ксенофобии.

Развиваемая идея амбивалентности чувств позволила увидеть социальное «вещество» ненависти, выраженное в притяжении к Другому, страстной сосредоточенности на нём. В психоаналитической практике этот феномен исследовал психоаналитик О. Кернберг. Однако оптика психоанализа, исходящая из биологизаторских принципов, диктующих замкнутость психодинамической системы, здесь обнаруживает узость. Её серьёзным расширением является аксиологический взгляд, развиваемый благодаря теоретическим изысканиям М. Шелера. Феномен ненасыщаемого притяжения к объекту страстной неприязни раскрывает её предельно ценностный, духовно-фундаментальный характер. Именно через аксиологический порядок («ordo amoris») человек вовлекается в мир и отношения, и негативный протест есть реакция на истинное или мнимое нарушение этого порядка, часто переживаемое как несправедливость. Отсюда следует вывод, что негативизм перверсивно отражает глубокую ценностную связь с объектом, здоровую или невротическую, будь то «благородная» ярость войны, ненависть джихада или болезненного нарциссизма. Как основополагающая страсть ненависть отражает попытку придать смысл бытию: восполняет его, выступая здоровой протестной

силой, или не восполняет, реализуясь через суррогаты ценностей и вызывая экзистенциальный голод, ищущий насыщения в отрицании и разрушении.

Во *втором параграфе «Эмпирическая многоликость ненависти»* разрабатывается тема её вариативности, склонности к трансформациям, камуфлированию. Критически анализируются попытки её редукции к аспектам психического (напр., эмоциям, мотивациям, когнитивным феноменам), а также её механистического представления как комбинации психических форм⁴. Показывается ограниченность подобных взглядов и постулируется единство ненависти при её мультимодальности. Отмечается узость отождествления ненависти с агрессивным, конфликтным поведением, с широко исследуемыми сегодня hate crime и hate speech. Отстаивается идея, что основной массив ненависти принципиально недоступен эмпирическому наблюдению. Скрытый и в то же время фундаментальный характер враждебности определён природой самой социальности, носящей конвенциональный, приспособительный характер, что придаёт ненависти черты неочевидности, изошрённости, маскированности. Особенно это свойственно современному человеку с его нормативной рафинированностью. Табуирование агрессии вытесняет её лишь из поля осознанности, но оставляет ей место как подспудной энергии, ищущей выхода в социальном пространстве. Это наглядно показывает судьба многих нравственных установок. Так, искренняя приверженность способна превратиться в предательство или трусливое раболепство, идейная убеждённость – в догматизм и фанатичный радикализм, ненавистнические стороны которых очевидны. Автор приводит ряд иллюстраций из истории христианства, тоталитарных идеологий, советского диссидентства.

Психоаналитическая парадигма позволяет осмыслить механизмы сублимации ненависти в социально допустимые формы. Ненавистничество

⁴ Sternberg, R. J. Understanding and combating hate // R. J. Sternberg (Ed.) The psychology of hate. Washington, D.C.: American Psychological Association. 2005. P. 37–49.

процветает в востребованности сюжетов насилия в СМИ и кино, в повсеместности эгоизма, пренебрежения и халатности. Подчас оно находит себя в фальшиво-нравственных формах, например, в преувеличенной жертвенности и изнуряющем аскетизме. Завуалированные формы ненависти стали характерной чертой цивилизованного человека. Она существует инкогнито, в тени современных типажей – циничный политик, тщеславный карьерист или услужливый приспособленец; проглядывает в чертах обыденного хищничества, интриганства или подхалимажа. Появление гражданского, массового общества и развитие капитализма углубило антагонизм и привело к социальной атомизации. Такие признаки омассовления как стандартизация и конформизм подогревают обывательскую борьбу за обладание, «место под солнцем». Идеология «успеха» и консюмеризм составляют особый *modus vivendi*, в основании которого лежит эгоистическая установка, нарциссизм и отчуждение Другого, превращение его в объект, средство или препятствие на пути к успеху.

Соперничество является одной из движущих сил развития цивилизации, однако в своей изнанке оно аккумулирует захватничество и борьбу эгоистических интересов. Проводится идея, что со времён заката античной культуры общество всё дальше отходило от идеалов здоровой состязательности, «агональности» во имя эталона человеческого совершенства, постепенно замещаясь «тимотической» борьбой, честолюбием, жаждой единоличного признания. Особенно драматичны примеры тщеславия и вражды в сферах бытия, изначально питаемых творчеством и любовью к ценностям, что проиллюстрировано сюжетами научного соперничества⁵.

Феноменологический мир ненависти необъятен. Чем более культурно-исторически усложнялась душевная организация человека, тем тоньше и

⁵ Чугунова И.О. Соперничество в истории науки: иллюстрация к вопросу воспитания культуры диалога и сотрудничества // Педагогика и просвещение. – 2016. – № 1. – С. 114-129.

разнообразнее становились формы ненавистничества. Питаясь заложенным в человеке ресурсом свободы, оно демонстрирует безудержное разрастание, выходит из берегов, становясь «пропастью» в нас и вокруг нас⁶.

В третьем параграфе «Деструктивное измерение ненависти» прежде всего отмечается нетривиальность проблемы её разрушительности. Как показано в предыдущих частях работы, ненависть происходит из априорно нейтральных начал в человеке. Дискурс деструктивности уходит от идеи его «злой» природы и обретает сложный характер, связанный со свободой, самодетерминацией и становлением человека, его выбором и ответственностью. В этом контексте рассматриваются две формы ненависти – «рациональная» и «иррациональная» (по Э. Фромму). Первая являет собой оправданный ресурс защиты, необходимый человеку в момент угрозы, что роднит её с экономичной и функциональной биологической агрессией. Вторая же, напротив, является избыточной, не адекватной логике событий. Именно в ней заключен огромный потенциал разрушительности.

Проблему «иррациональной», деструктивной ненависти автор рассматривает на основе парадигмы невротической, нездоровой душевной организации. При этом возникающая здесь тема здоровья и патологии трактуется как с опорой на психоанализ, так и экзистенциалистские и гуманистические идеи. Критерии здоровой личности связываются здесь с созидательностью и осознанностью, способностью принять в себе противоречия и, как следствие, способностью смягчать собственные враждебные порывы. Невротическая личность рассматривается через деструктивный способ взаимодействия с миром, реализацию через отрицание, подпитку злобой, удовлетворение в мести и уничтожении.

⁶ Глюксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ-Транзиткнига, 2006. С. 49.

Особо в параграфе обсуждается проблема связи «иррациональных» форм ненависти со злодеяниями и жестокостью. Обсуждаются аспекты превращения ненависти в жестокость и насилие, стирания существующих в человеке моральных барьеров. При этом автор пересматривает очевидную, на первый взгляд, идею прямой причинной связи между ненавистью и жестокостью, показывая различие этих феноменов. Ненависть представляется феноменом более эфемерным, «духовным» (по М. Шелеру), «ирреальным» и «виртуальным» (по Ж. Бодрияру). Не имея очевидных форм и наглядной мотивации, будучи расплывчатой и непредсказуемой, она способна перекинуться на любой предмет и выразиться во «внезапной» вспышке насилия. Однако фатализм её деструктивности заключён в другом – в более глубоких и тотальных разрушениях. Начинаясь с символического искажения объекта неприязни, утрате диалога с ним, она продолжается в трансформации мировоззрения, незримой утрате человеком подлинности бытия.

Подчёркивается, что ненавистничество поддерживается самим укладом современности: агрессивностью власти и политики, захватническим и порабощающим характером экономики, атомизацией общества, циничностью конкуренции, довлеющим над человеком шаблонно-потребительским консьюмеристским этосом, наконец – бегством самого человека от осознанности, духовной автономии, свободы. Автор делает вывод, что в ходе социальной истории ненавистничество обрело всё более глубокие иррациональные, злокачественные формы, выражаясь в особом антропотипе («человеке ненавидящем»), среди черт которого прежде всего – дефицит любви и сострадания, завистливость и злоба, тщеславие и обострённый эгоизм. Однако главной его характеристикой является личностная несостоятельность, творческая невосполненность, экзистенциальная ущербность. Проблемой здесь является не только уход от созидания и подлинности переживаний, но активная деструктивность, ищущая выхода в ложных, будоражающих страстях, дающих иллюзию силы и состоятельности. Тупиковый путь, избираемый

ненавистником, это путь аутодеструкции – пожалуй, наиболее драматического аспекта разрушительности ненависти вообще. В рассуждении автор опирался на идеи М. Бубера, Г. Маркузе, М. Бахтина, М. Фуко, С. Жижека, У. Гэйлина.

Третья глава «Рессентимент и конструирование образа человека» посвящена идее ненависти как глубинного антропологического базиса европейского человека, сформировавшегося в ходе культурно-исторического процесса. Рассматриваются практические аспекты ненавистничества, его противовесы в человеке и культуре.

В первом параграфе «Рессентимент как целостный модус бытия» вводится ницшеанское понятие рессентимента и обосновывается его эвристическое значение для понимания ненависти. Рессентимент трактуется заведомо шире, чем комплекс ненавистнических чувств: обрисовывается концептуальный контекст, связанный с идеей декаданса новоевропейского человека. Подчеркивается роль понятия в «переоткрытии» человеческой природы и «разоблачении» человека, утверждении идеи его несовершенства, иррациональности, абсурдности и безумия, тяге к саморазрушению и несвободе. Проводится необходимое отступление о гуманистическом кредо Ницше, обосновывается его приверженность высшей идее человека, стремление дотянуться до предельных человеческих потенциалов.

Раскрывая понятие рессентимент, автор анализирует многоуровневый, метафорически-неоднозначный дискурс, развиваемый Ф. Ницше на протяжении многих работ. Затрагиваются идеи воли к власти, сверхчеловека и «стада», проблемы добра и зла, свободы и рабства, «смерти бога», которые освещаются как единая констелляция ницшеанских прозрений о человеке. В контексте воли к власти обнаруживаются корни ненавистничества как феномена «рабской» воли. Противопоставленная свободной, активной воле «аристократа», рессентиментная воля «раба» являет собой реакцию, преследование активного, свободного, творческого и дерзновенного в человеке.

Выраженная в озлобленной самозащите, ненависти к «господину» и порыве мести, воля «мелких» людей, обывателей породила дух отрицания и декаданса, исподволь пропитавшего атмосферу новоевропейского мира. Рассматривается «творческая» сущность ressentimentа, его масштабные процессы («восстание рабов»), связанные с погромной историей последних веков. Обсуждается тема «человека ressentimentа» как особого антропотипа, «стадного» существа, единицы массового общества с его конформизмом и стандартизацией.

Анализируются темы неравенства, соотношения толпы и элиты в контексте взглядов Ф. Ницше, М. Шелера, Н. Бердяева, А.Я. Гуревича. Поднимается проблема трагизма неравенства, иллюзорности и ressentimentности эгалитарных идеалов. Заостряется внимание на связанных с этим принципиальных противоречиях человеческого бытия и полярностях человека. Делается акцент на теме расколотости человека, разрыве между внутренним и внешним, личностным и социальным, совершенством идеалов и реалиями жизни, духом свободы и кабалой обывательства.

В параграфе также обсуждается проблема масштабности ненависти, порождаемой ressentimentной культурой. Ressentiment возникает из бессилия раба, его созидательной несостоятельности. Питаясь энергией априорной воли, он становится самой ядовитой из всех антропологических субстанций. Рассматривается тема воинственности ressentimentа и его предельной деструктивности, ведущей к искажению природы человека и утрате подлинности бытия. Он проявляет себя через ненавистнические идеологии, расщепляет мир на «своих» и «врагов», «кумиров» и «козлов отпущения». Проводится параллель между концепциями ressentimentа и невроза, озвучивается вывод о том, что Ницше предвосхитил открытия психоанализа о бессознательном и механизмах невротических защит.

Особо рассматривается проблема Я в контексте ressentimentа, истолковывается неоднозначная тема «любви к себе» как высшей добродетели.

Раскрывается ницшеанский пафос идеи любви к Я как животворному началу, источнику жизни и «очеловечивания». Рассматривается разоблачение ценности «любви к ближнему», нивелирующей «священное» Я. Обсуждается парадоксальность и диалектика понятий любви и ненависти в концепции ressentimentа, проводится их анализ в аксиологическом ключе, с опорой на взгляды М. Шелера.

Второй параграф «Актуальность ressentimentа в современности» обосновывается провидческий характер ницшеанской концепции ressentimentа как универсального объяснительного и разоблачительного принципа, применимого к европейской истории последних веков. Прозорливость Ницше признавалась М. Шелером и Н. Бердяевым, которые видели в ressentimentе движущую силу войн и революций. Обосновывается, что под его знаком развивалась история советского государства, сердцевиной идеологии которого являлось наличие постоянного врага. Развивается мысль, что в современных капиталистических обществах ressentiment является неустранимой частью механизма социальной стабильности, баланса господства и подавления, гонки производства и потребления. Проводится идея, что ressentiment потенцируется самой эволюцией социально-рыночных отношений, которые не только обнажают, но и легализуют низменное в человеке – властomанию, ложь, хищничество. Зародившись как стихийный механизм социальной культуры, сегодня ressentiment превратился в сознательно используемое орудие манипулирования массами. Он обретает силу, например, через формирование иллюзии участия граждан в политике, обеспечивает успех рекламных спекуляций и маркетинговых стратегий.

Автор очерчивает образ современного обывателя, «человека ressentimentа», бегущего от свободы и ответственности, самостоятельности мышления и творческого проживания жизни. При этом острота образа состоит не в чертах его пассивности, а в агрессивной борьбе за псевдоценности.

Ключевой чертой современного рессентимента является его экспансия, в том числе за пределы европейского мира. Этот феномен транслирует себя посредством шаблонирования массовых идеалов и экстраполируется на все новые области социального бытия. Важной идеей является его существование под внешне «мягкими» чертами, либерально-демократическим «алиби» и одновременно в системе «невидимого» прессинга. В данных рассуждениях автор опирается на критические теории общества, анализирующие современные формы насилия (М. Фуко, С. Жижек, Г. Маркузе и др.).

Антропологические аспекты современного рессентимента анализируются с опорой на лаканианские размышления С. Жижека, идею «механического» потребления и концепцию симулякров Ж. Бодрийяра. Автор делает выводы об утрате человеком онтологической подлинности, живого диалога с миром, онтологической выхолощенности и в целом – об углублении антропологического декаданса, обретение им большей глубины и инфернальности, дополнительных степеней злокачественности.

В *третьем параграфе «Практическая философия ненависти»* предпринята попытка перевести выработанные взгляды на язык практической, жизненной философии, выявить антропологические ресурсы противодействия ненависти. Рассуждение отталкивается от утопичности пацифистского образа человека. Нравственные образцы гуманизма и миролюбия, хранящиеся в культуре, рассматриваются как необходимый человечеству идеальный ориентир, но не как реалистичная норма. Подвергается критике идея примата разумной регуляции страстей, имевшая место в классической философии (например, в стоицизме и просветительских взглядах). На первый план выходит постулат детерминации человеческой жизни со стороны неосознанных, стихийных процессов, действующих вопреки иллюзиям их обуздания.

Автор апеллирует к психоанализу, показавшему, с одной стороны, неподконтрольность страстей, но с другой стороны, предложившему логику их

генезиса, выраженную через концепцию формирования невротического характера. Ненавистничество, являющееся невротической чертой, здесь трактуется как способ защитной психологической компенсации, результат взаимодействия со средой и во многом – как производная от этой среды (например, в теории объектных отношений). Однако здесь автор расширяет позицию психоанализа, дополняя её экзистенциальным взглядом на индивида не как объекта воздействия среды, а как активного субъекта, единственно по-настоящему ответственного за свою жизнь. Трагичность и абсурдность бытия являются исходными условиями, «нормой» существования человека: он оказывается в них заброшенным, обречённым жить с багажом ущербного психологического опыта. Мир явлен ему агрессивным и травматичным, предзадавая возможность ненависти как ресурса защиты, мобилизации и выживания. При этом возможность регуляции ненависти также имманентна человеку – в виде потенциальной осознанности и ответственности за судьбу своих страстей.

Экзистенциальный ракурс проблемы является основным в практической философии ненависти. Подчёркивается, что психоанализ грешит тенденцией к идеализации нормы, моделирования её по классическому медицинскому принципу. Однако душевное здоровье и совершенство, в отличие от здоровья физического, не является изначальной данностью индивида: согласно экзистенциалистскому принципу («esse praecedit essentia»), это, напротив, цель и предмет самоконструирования, работы над собой, путь к целостности, исцелению. Затрагиваются практические направления этой работы, связанные с позицией психоаналитика, само-осознанностью, принятию собственной амбивалентности чувств. Обосновывается целительный потенциал таких универсальных «изобретений» культуры как искусство и юмор. С опорой на работы С. Кьеркегора, А. Бергсона, Н. Бердяева, Ю. Кристевой анализируются механизмы преобразующего, катарсического и сублимирующего воздействия искусства и юмора. Делается вывод, что такие ипостаси человеческого как

homo creator и homo ridens – это тот пласт творческой иррациональности, который может составить антитезу неразумию ненависти. Пока культура хранит и несёт в себе эти формы бытия, человек остаётся способным сопротивляться рессентименту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ненависть – одна из краеугольных тем, без которых сегодня немыслима глубина постижения человека. Обращение к философско-антропологической методологии позволило проанализировать сложную природу ненавистничества, его значительную роль в бытии и становлении человека.

Проведённый анализ обнаружил фундаментальный характер ненависти, её историческую неистребимость и культурную универсальность. Было показано, что оппозиционность и враждебность имманентны человеку, сопряжены его социальности и индивидуальности. Важным явилось понимание смысловой многомерности феномена ненависти. В работе рассмотрены не только её очевидно негативная роль, но и парадоксально конструктивные смыслы. Показано, что ненависть неотделима от антропологической витальности, это один из первоначальных импульсов, включающих человека в динамику бытия, объектный и социальный мир. Наряду с полюсом любви, ненависть задаёт пространство чувств и отношений, с присущей ему широтой, контрастами и драматизмом.

Выявлено, что ненависть включена в фундамент субъектности, процесс обретения и защиты человеком своего Я. Формирование границ субъекта и становление идентичности принципиально не обходится без оппозиции и отмежевания. Вместе с тем подчёркнуто, что в отличие от охранительной агрессии животных, в человеческом мире эта функция «обслуживает» не столько физическую, сколько символическую целостность человека, она аксиологична и экзистенциальна. Ненависть оправдывает себя как критический ресурс защиты, особенно в пограничных ситуациях бытия.

Исключительно плодотворной оказалась тема неразрывности и диалектического единства любви и ненависти. Феноменологически это проявляется в амбивалентности, взаимном присутствии этих чувств в изнанке

друг друга. Ещё глубже это обнаружено в генезисе ненависти – её зарождении из универсальных первичных влечений. В работе затронуты аспекты онтогенеза и социокультургенеза явления.

Конструктивистское понимание ненависти позволило глубже взглянуть на центральную проблему – её деструктивности. Главным явилось понимание, что ненависть истинно негативна не в ситуации реальной, оправданной защиты Я в агрессивном мире, а в контексте нарушенных, искажённых, невротических форм самопроявления субъекта, его психологической беспомощности. В пределе это отражает бессилие индивида в реализации экзистенциальных задач, его несостоявшуюся созидательность, фрустрированную любовь. Присущий ненависти чрезмерный фокус на объекте симптоматично определяет её как инверсию любви, обнажая в ней следы изначального притяжения к ценностям.

Углублённую проработку получила агрессивно-невротическая феноменология ненависти. Проанализированы такие её аспекты как обвинительность, «демиургичность», способность к искажению и патологическому упрощению реальности. Мифология ненавистника соткана из его собственных теневых проекций, порочных черт, изгнанных из фокуса осознанности. Показано, что лёгкость разрастания ненависти обусловлена её латентной, «духовной» природой, питаемой силой воображения. Латентность маскирует накопление заряда ненависти, чем объясняется разрушительность и «внезапность» её последствий.

Масштаб и глубина деструктивности ненависти в современном мире переданы в работе через анализ концепции рессентимента. Это позволило увидеть явление ненавистничества как результат культурно-исторического становления человека, его сложившийся облик. При этом оно осмыслена как особый, патологический модус бытия, представляющий собой глубокий декаданс, антропологический упадок. Черты современного антропотипа, прочитываемые в банальном эгоизме и привычной обыденной агрессивности,

скрывают более глубинную деструктивную подоплёку – бегство от экзистенциальной глубины, духовного развития, готовность преследовать и разрушать инаковое, свободное, а значит, подрывать антропологическую перспективу человека. В анализе не только показана актуальность рессентимента применительно к нынешним реалиям, но и прослежено его углубление, обретение им особой inferнальности: современное ненавистничество становится всё более маскированным, изошрённым, эфемерным, всепроникающим, что делает его более злокачественным для человеческой природы.

Логической частью работы, которую можно рассмотреть и как отдельное самоценное исследование, явился компаративный анализ основных синонимичных понятий, входящих в тезаурус ненависти. Подобное сравнение позволило чётче определить демаркацию ненависти, отграничить её от других, часто неоправданно отождествляемых с ней явлений.

В завершающей части работы предпринята попытка спроецировать теоретические выводы на практическую плоскость. В этой связи обоснован вопрос реальной, а не идеализированной антропологической «нормы», обозначены её критерии, такие как осознанная и ответственная экзистенциальная позиция индивида. Прощупаны некоторые культурно-универсальные противовесы разрастанию ненависти, такие как искусство и юмор.

В целом, заявленные в диссертации цели и задачи являются реализованными. Положения, выносимые на защиту, получили обоснование. Представлен достаточно развернутый философско-антропологический анализ феномена ненависти. Подобное исследование в русскоязычной философской практике проведено впервые, и оно претендует на включение понятия ненависти в категориальный аппарат философской антропологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абеляр П. Этика, или Познай самого себя // Абеляр П. Теологические трактаты. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 1995. С. 404-483.
2. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994. 528 с
3. Августин. О граде Божьем. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с.
4. Аврелий Августин. Исповедь. СПб.: Азбука, 2008. 400 с.
5. Аврелий М. Наедине с собой. М.: АСТ, 2018. 192 с.
6. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб.: Питер, 2017. 256 с.
7. Адорно Т. Исследование авторитарного характера. М.: Серебряные нити, 2016. 416 с.
8. Алейник Р.М. Образ человека во французской постмодернистской литературе // Спектр антропологических учений. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2006. С. 199-214.
9. Алейник Р.М. Проблема человека в философской постмодернистской литературе // Вестник Томского государственного университета. № 296. 2006. С. 62-69.
10. Александрова З.А. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык – Медиа, 2003. 576 с.
11. Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 2006. 360 с.
12. Апресян Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. Вып. 2. М.: ИФ РАН. 2001. С. 27-40.
13. Апресян, Р.Г. Толерантность и ценности гражданского общества / Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2001. 288 с.
14. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
15. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 54-91.
16. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. с. 371-448.
17. Аристотель. Риторика // Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 57-316.

18. Аристотель. Этика. М.: Астрель, Харвест, 2012. 496 с.
19. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 768 с.
20. Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях: дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2004. 262 с.
21. Балашова Е.Ю. Любовь и ненависть // Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 150-174.
22. Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: "Когито-Центр", 2002. 256 с.
23. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. 336 с.
24. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 128 с.
25. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Полиграфиздат, АСТ, Астрель, Neoclassic, 2011. 640 с.
26. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 384 с.
27. Бердяев Н.А. Творчество и объективация. Мн.: Экономпресс, 2000. 304 с.
28. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Москва АСТ, АСТ, Хранитель, 2006. 352 с.
29. Бердяев Н.А. Философия свободы: Смысл творчества. М.: Олма-Пресс, 1990. 352 с.
30. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: "Рудомино", 1993. 144 с.
31. Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб.; М.: Прайм-Еврознак, 2007. 513 с.
32. Биологические предпосылки гоминизации. М.: Наука, 1976. 55 с.
33. Блейк У. Песни невинности и опыта. СПб: Северо-Запад, 1993. 271 с.
34. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос (1991–2005). Избранное. Т. 2. М.: Территория будущего, 2006. С. 437–448.
35. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., Добросвет, 2014. 260 с.
36. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.

37. Большев А. Наука ненависти: очерки о конфронтационно-невротической ментальности. СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Союз писателей Санкт-Петербурга», 2012. 192 с.
38. Борьба с преступлениями на почве ненависти в регионе ОБСЕ. Варшава, 2006. 84 с.
39. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука. 1990. 416 с.
40. Brentano, Ф. О любви и ненависти // Brentano Ф. О происхождении нравственного сознания. СПб.: Алетейя, 2000. С. 127-185.
41. Breslav Г. Ненависть как предмет психологического исследования // Вопросы психологии. №2, 2011. С. 138-148.
42. Brodely Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Пер. с фр. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 624 с.
43. Buber М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
44. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 176 с.
45. Burkhardt Э. Размышления о всемирной истории. М.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2016. 560 с.
46. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 1998. 336 с.
47. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 565 с.
48. Визгин В. На пути к другому. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.
49. Винникотт Д.В. Ненависть в контрпереносе // Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949-1999 гг.). М.: Академический проект, 2005. 576 с.
50. Гавел В. Ненависть // Кэмпб. 1994, № 5. С. 15-16.
51. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 472 с.
52. Гелен А. О систематике антропологии / пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревич; общ. ред.

- Ю. Попова. М.: Прогресс. 1988. С. 31–95. Гиренок Ф. Фигуры и складки. М.: Академический проект, 2014. 248 с.
53. Гельвеций К.А. Об уме. М.: Мир книги, 2007. 560 с.
54. Гераклит Эфесский. Всё наследие. М.: Ад Маргинем, 2012. 350 с.
55. Глюксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ-Транзиткнига, 2006. 288 с.
56. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 480 с.
57. Гоббс Т. Человеческая природа / Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989. С.507-573.
58. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство. 1984. 350 с.
59. Гуревич П.С. «О гнев любви, о ненависти нежность...» // Философия и культура. № 11(83), 2014. С. 1549-1553.
60. Гуревич П.С. Апофатический проект человека // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 42-53.
61. Гуревич П.С. Мизантропология как метанойя // Человек. № 6, 2014. С. 20-34.
62. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: ИФ РАН, 2004. 178 с.
63. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. СПб.: Петроглиф, 2013. 428 с.
64. Гуревич П.С. Философское толкование человека. СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 472 с.
65. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Грани человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2016. 173 с.
66. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Размежевания и тенденции современной философской антропологии. М.: ИФ РАН, 2015. 161 с.
67. Гусейнов А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 590 с.
68. Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 352 с.
69. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. 472 с.
70. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Роосса, 2011. 1560 с.

71. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т.1. С. 481-572.
72. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект. 2015. 482 с.
73. Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2004. 392 с.
74. Диденко П.И. Рессентимент либеральной интеллигенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. №3. 2012. С. 79-85.
75. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 313.
76. Дхаммапада. Новосибирск: Согласие. 2003. 176 с.
77. Дэйви М. Эволюция войн. М.: Центрполиграф, 2009. 384 с.
78. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60-72.
79. Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только // Логос, 2 (53) 2006. С. 3-25.
80. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2017. 184 с.
81. Жирар Р. Козёл отпущения. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
82. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 80-104.
83. Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 504.
84. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
85. Ильин Е. Психология зависти, враждебности тщеславия. СПб.: Питер, 2014. 208 с.
86. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Даръ, Белый город, 2017. 480 с.
87. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415с.
88. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. 471 с.
89. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Сочинения в 6 томах. Том 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 5–58.

90. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 352 с.
91. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 томах. Том 1. Язык. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 270 с.
92. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 367 с.
93. Кляйн М. Ненависть, зависть, любовь, сочувствие (постфрейдовское исследование личности). СПб.: Астер-Х, 2012.
94. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.
95. Крушинский Л.В., Зорина З.А., Полетаева И.И., Романова Л.Г. Введение в этологию и генетику. М., Изд-во МГУ. 1983. Стр. 22-55.
96. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. М.: София, 2004. 256 с.
97. Кьеркегор С. О понятии иронии. // Логос. 1993. №4. С. 176-198.
98. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырёх томах. М.: Мысль, 1983. Т.2. С. 47-545.
99. Лоренц К. Агрессия / Пер. с англ. Г. Швейник. М.: Римис, 2009. 352 с.
100. Лоренц К. Так называемое зло / Пер. с англ. Федорова А. М.: Культурная революция, 2008. 616 с.
101. Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. М.: Худ. лит., 1982. 504 с.
102. Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ressentimente и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. №4. С. 116-150.
103. Марков Б. Философская антропология. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
104. Марков Б. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб.: «Владимир Даль», 2005. 788 с.
105. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Ермак, Неоклассик, АСТ, 2003. 336 с.
106. Медведев С. Русский ressentiment // Отечественные записки. № 6 (63), 2014. Электронный журнал. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/russkiy-resentiment> Дата обращения 06.07.18.
107. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997. 216 с.

108. Мирандоло Джовани Пико делла. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т.1. с. 506-514.
109. Мироненко В.И. Апофатическая проекция человека: истоки и пути преодоления // Вестник омского университета. 2014. № 1. С. 14-16.
110. Миронов В.Н. Философия истории Фридриха Ницше // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 163-175.
111. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
112. Мочкин А.Н. Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). М., 2005. 246 с.
113. Мухина В.С., Хвостов А. А. Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. М.: МПГУ, 2011. 200 с.
114. Мэй Р. Смысл тревоги / Пер. с англ. Багрянцевой А. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.
115. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М.: Либроком, 2012. 256 с.
116. Назаров В.Н. Моральный рессентимент как симптом современной квазитолерантности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Выпуск №8 (103), 2011. Том 16. С. 317-319.
117. Нахов И.М. Философия киников. М.: Наука, 1982. 223 с.
118. Немов Р.С. Психологический словарь. М. Гуманит. изд. центр «Владос», 2007. 560 с.
119. Нечаев С.Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М. Археографический центр, 1997. С. 244-248.
120. Ницше Ф. *Esse Homo* / Пер. с нем. Антоновского Ю.М.; ред.. Свасьян К.А. // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 693-672.
121. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1990. С. 491-719.
122. Ницше Ф. К генеалогии морали / Пер. с нем. Свасьяна К.А.; ред.. Свасьян К.А. // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 407-524.

123. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 238-406.
124. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Мысль, 1990. С. 5-237.
125. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2. М.: Культурная революция, 2011. 672 с.
126. О человеческом в человеке / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. 384 с.
127. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, Мир и Образование, 2016. 736 с.
128. Ойзерман Т.И. Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе // Кантовский сборник. Выпуск №18 за 1994 г.
129. Олпорт Г. Базовая психология любви и ненависти // Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002. С. 116–129.
130. Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 464 с.
131. Онтология негативности: Сборник научных трудов / Отв. ред. Г. Драгалина-Черная. М.: «Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 376 с.
132. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
133. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, Neoclassic, 2013. 320 с.
134. Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.
135. Платон. Федон // Платон. Диалоги. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 201-294.
136. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс. 1988. С. 96–151.
137. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ад Маргинем, 1995. 341 с.
138. Позднев М. (сост.) Хрестоматия по литературе Древней Греции. Эпоха культурного переворота. СПб: Азбука-классика, 2004. 928 с.
139. Померанц Г. Кто такие чужаки? // Психология национальной нетерпимости / Сост. Чернявская Ю.В. Минск: Харвест, 1998. URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/psi/holognn_0.htm.

140. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. 976 с.
141. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Академический проект, 2017. 544 с.
142. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
143. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
144. Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.
145. Прокофьев А.В. Война всех против всех // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 72-73.
146. Прокофьев А.В. Справедливость и ресентимент (заметки на полях К генеалогии морали Ф. Ницше) // Этическая мысль. 2013. С. 65–87.
147. Психология. Словарь / Ред. Петровский А.В. М.: Изд-во политич. литературы, 1990. 496 с.
148. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М.: Наука (Ленинградское отделение), 1984. 320 с.
149. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31–108.
150. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. 640 с.
151. Сартр Ж.-П. Тошнота. Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 23-182.
152. Свенцицкая И.С. Раннее христианство. Страницы истории. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 336 с.
153. Сёмушкин А.В. Эмпедокл. М.: Мысль, 1985. 192 с.
154. Сенека Л.А. О гневе // Сенека Л.А. Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2017. С. 103-179.
155. Словарь по этике / Ред. Гусейнов А.А., Кон И.С. М.: Изд-во полит. литературы, 1989. 446 с.
156. Словарь синонимов русского языка / под ред. Бабенко Л.Г. М.: Lingua, АСТ, Астрель, 2011. 688 с.
157. Смирнов С.А. О судьбе антропологии в философии XX в. // Альманах «Философский век». Вып. 21. «Науки о человеке в современном мире». Ч. 1. СПб: Санкт-Петербургский центр Истории идей, 2002. С. 86-105.

158. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни. М.: Ламартис, 2009. 416 с.
159. Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. Киев: Гамма-Принт, 2013. 496 с.
160. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Сочинения в 2-х томах. СПб.: Наука, 1999. Т.2. С. 5-246.
161. Спиноза Б. Краткий трактат о боге, человеке и его счастье // Спиноза Б. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Наука, 1999. С. 1-92.
162. Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей // Спиноза Б. Сочинения в 2-х томах. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 215–250.
163. Спирова Э.М. Ж. Батай о целостном подходе к человеку // Высшее образование для XXI века: VII международная научная конференция. Москва, 18-20 ноября 2010 г.: Доклады и материалы. Круглый стол. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. Вып. 1 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Изд-во МосГУ, 2010. С. 24-32.
164. Стивен М. Джонсон. Психотерапия характера. СПб.: Корвет, 2016. 352 с.
165. Толстой А.Н. Я призываю к ненависти. Сборник газетных статей. М.: Госполитиздат, 1941. 52 с.
166. Улуханов И.С. Презреть – презирать // Русская речь. 2014. № 6. С. 102-109.
167. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2017. 800 с.
168. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (в четырёх томах). Т. 3. М.: Lingua, АСТ, Астрель, 1987. 832 с.
169. Фихте И.Г. Назначение человека // Сочинения: В 2 т. СПб., 1993. т. 2.
170. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 1-48. К.: Эльга, Ника-Центр, 2006. 576 с.
171. Франк С.Л. «Любовь к дальнему» в философии Ф. Ницше // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.
172. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М.: Педагогика. 1993. 144 с.
173. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Фрейд З. Психоанализ детских страхов. СПб.: Азбука-классика, 2016. С. 7-146.

174. Фрейд З. Влечения и их судьба // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998. С. 125-150.
175. Фрейд З. Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 325-337.
176. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 224 с.
177. Фрейд З. Я и Оно. СПб.: Азбука, 2015. 288 с.
178. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М.: Изд-во полит. литературы, 1989. 560 с.
179. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
180. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.
181. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
182. Фромм Э. Человек для себя. М.: Астрель, 2012. 314 с.
183. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
184. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 448 с.
185. Хёйзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
186. Холлис Д. Почему хорошие люди совершают дурные поступки. Понимание тёмных сторон нашей души. М.: Когито-Центр, 2017. 320 с.
187. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию. СПб.: Б&К, Восточно-Европейский институт психоанализа, 2000. 318 с.
188. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / Пер. В. Старовойтов. М.: Канон+, 2013. 288 с.
189. Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 108-136.
190. Хоффмайстер М. Вклад Микаэла Балинта в теорию и метод психоанализа // Энциклопедия глубинной психологии: в 3 т. Т. 3. Последователи Фрейда. М.: Когито-Центр, 2002. С. 125-177.

191. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
192. Шёк Гельмут. Зависть: теория социального поведения. М.: Ирисэн, 2010. 544 с.
193. Шелер М. *Ordo Amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 339-376.
194. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс. 1988. С. 31–151.
195. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.
196. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 259-338.
197. Шеллинг Ф.В. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф.В. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 86-158.
198. Шолохов М.А. Наука ненависти / Шолохов М.А. Наука ненависти. Судьба человека. М., 1984. С. 3-19.
199. Шопенгауэр А. *Parerga und Paralipomena* // Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 томах. Т.4. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. 398 с.
200. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления / Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск: ERGO, 2008. С. 109-155.
201. Штайнер Р. Происхождение зла и его облик в свете антропософии. СПб.: Дамаск, 2000. 350 с.
202. Шульц Э.Э. Теория социального протеста. Барнаул: Издательская группа «Си-пресс», 2014.
203. Эко У. Сотвори себе врага. М.: АСТ, 2014. 352 с.
204. Эпиктет, Аврелий М. Афоризмы. От раба до императора. М.: Фолио. 2009. 416 с.
205. Эпиктет. Энхиридион. Краткое руководство к нравственной жизни. Симпликий. Комментарий на "Энхиридион" Эпиктета. СПб.: Владимир Даль. 2012. 400 с.

206. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53-655.
207. Юнг К. Архетип и символ. М.: Канон+, Реабилитация, 2015. 336 с.
208. Юнг К. Г. Борьба с тенью // Юнг К.Г. Синхронистичность. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. С. 41–52.
209. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2009.
210. Якобс В. Происхождение зла и человеческая свобода // Вопросы философии. 1994, № 1. С. 102-110.
211. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
212. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во полит. литературы, 1991. 528 с.
213. Alford C. F. Hate in the imitation of love / R. J. Sternberg (eds.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 235–254.
214. Balint M. On Love and Hate (1951) // Balint M. Primary Love and Psychoanalytic Technique. London: Routledge, 1985. P. 141–158.
215. Bandura A. Aggression, a social learning Analysis. NJ: Prentice-Hall, 1973. 390 p.
216. Berkowitz L. On hate and its determinants: some affective and cognitive influences / R. J. Sternberg (eds.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 155–183.
217. Bollas C. The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known. NY: Columbia University Press, 1989. 301 p.
218. Buss A. H. The psychology of aggression. NY: John Wiley and Sons, 1961. 307 p.
219. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, 1995. 1775 p.
220. Dozier Rush W. Why We Hate: understanding, curbing and eliminating hate in ourselves and our world. N.Y.: McGraw-Hill. 2003. 352 p.
221. Eibl-Eibesfeldt I. Love and Hate: The natural history of basic behavior patterns. NY: Aldine Transaction, 1996. 276 p.

222. Fitness J., Fletcher G. J. O. Love, hate, anger and jealousy in close relationships: A prototype and cognitive appraisal analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. P. 942–958.
223. Gaylin W., M.D.. Hatred. NY: Public Affairs, 2004. 272 p.
224. Haidt Jonathan. The Happiness Hypothesis: Finding Modern Truth in Ancient Wisdom. NY: Basic Books, 2006. 320 p.
225. Kernberg O. Hatred as pleasure / R. A. Glick, S. Bone (eds.). Pleasure beyond the pleasure principle: The role of affect in motivation, development and adaptation. Vol. 1. New Haven, CT: Yale University Press, 1990. P. 177–188.
226. Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/hate>. Дата обращения: 06.07.18.
227. Navarro José I. The Psychology of Hatred // The Open Criminology Journal, 2013, 6, P. 10-17.
228. Random House Kernerman Webster's College Dictionary. URL: <http://www.kdictionaries-online.com/DictionaryPage.aspx?ApplicationCode=18#&&DictionaryEntry=hate&SearchMode=Entry>. Дата обращения: 06.07.18.
229. Rokeach M. The nature of values. N.Y., 1973.
230. Royzman, E., McCauley, C. R., & Rozin, P. From Plato to Putnam: Four ways to think about hate // The psychology of hate. Sternberg, R. J. (ed.). Washington: APA. P. 3-35.
231. Staub, E. (2005). The origins and evolution of hate, with notes on prevention // Zillman D. Hostility and aggression. UK: Psychology Press, 1979. 272 p.
232. Sternberg R. J., Sternberg K. The nature of hate. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 256 p.
233. Sternberg, R. J. (2003). A duplex theory of hate: Development and application to terrorism, massacres, and genocide. Review of General Psychology. 7(3), P. 299–328.
234. Sternberg, R. J. Understanding and combating hate // R. J. Sternberg (Ed.) The psychology of hate. Washington, D.C.: American Psychological Association. 2005. P. 37–49.
235. The Psychology of Hate. R. Sterneberg (Ed.). Washington: APA, 2005. P. 51-66.

236. The psychology of hate. Sternberg R.J. (ed.). Washington: Amer Psychological Assn, 2005. 263 p.
237. Wordsmyth Dictionary Thesaurus. URL:
<http://www.wordsmyth.net/?level=3&ent=hate>. Дата обращения: 06.07.18.